

справочного характера: хронологической таблицы с указанием основных событий жизни, видов, названных в честь Десулави, собранных коллекций и видов, описанных по его материалам.

Тоталитаризм и орнитология

А.К. СЫТИН

Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН,
Санкт-Петербург, Россия; astragalus@mail.ru

Евгениуш Новак — польский орнитолог, живущий в Германии. Рецензируемая книга⁷ — сборник биографий орнитологов, уничтоженных или выстоявших в противостоянии с антигуманными политическими режимами. Принадлежность автора к влиятельной научной школе берлинского профессора Эрвина Штреземанна (1889–1972), одного из величайших зоологов ушедшего века, удостаивает его положения стража орнитологического чистилища. Мерой близости персонажей книги к Э. Штреземанну определяется их научная квалификация и значимость. «Римский папа орнитологов» — подзаголовок главы 1, рисующей биографический портрет Штреземанна. Накануне Первой мировой войны, когда колониальная система была устойчива, Штреземанн изучал авифауну Молуккских островов, где еще обитали племена «охотников за черепами». Экспедиции снаряжались на средства владельца частного орнитологического музея лорда

Вальтера фон Ротшильда (Тринг, Великобритания). Затем последовал калейдоскоп эпох немецкой истории: империя Вильгельма II, Веймарская республика, Третий рейх, оккупационная власть союзников, обособление ФРГ и ГДР. Западный Берлин стал местом проживания Штреземанна, а работал он в Восточном Берлине, где заведовал орнитологическим отделом музея. Берлинская стена, разделившая город и нацию, не смогла пресечь живую связь его коллег, изучающих перелеты птиц благодаря именно Штреземанну. Под его руководством выполнил дипломную работу о динамике ареала

⁷ Новак Е. Ученые в вихре времени. Воспоминания об орнитологах, защитниках природы и других натуралистах / пер. с нем. И.М. Маровой; ред. М.В. Калякин. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 473 с. Первое немецкое издание книги — *Eugeniusz Nowak. Wissenschaftler in turbulenten Zeiten. Erinnerungen und Ornithologen, Naturschützer und andere Naturkundler*. Schwerin: Stock und Stein, 2005. 432 s. Перевод выполнен со второго, переработанного и дополненного издания, в Германии пока не опубликованного.

кольчатой горлицы в Азии и Европе и Е. Новак. В его книге 55 биографий ученых-натуралистов: 17 немцев, 15 русских, 8 поляков, 2 француза, 2 корейца и по одному уроженцу других государств. Примечательно почти равное соотношение представителей России и Германии, отражающее творческое состязание в сфере познания естественной истории Евразии на протяжении трех столетий. Здесь уместно было бы вспомнить, что сам Э. Штреземанн чрезвычайно ценил труды «русского немца» Петра Симона Палласа, именем которого назвал период в истории развития орнитологии (Stresemann, 1975). Афоризм «Орнитологи — лучшие из людей» сопутствовал Штреземанну в его счастливый период научной деятельности (1927–1934). Именно тогда вышла его книга «Птицы» — часть многотомного издания «Зоология», питавшей идеи развивавшейся тогда синтетической теории эволюции (СТЭ). Он стал учителем многих выдающихся эволюционистов, в том числе лидеров СТЭ Эрнста Майра, Бернхарда Ренша, упоминаемых, но отнюдь не главных объектов повествования. Не жизнеописания благополучных лауреатов, а экзистенциальные судьбы натуралистов в периоды острейших социальных потрясений интересуют автора. 123 иллюстрации и справочный аппарат, включающий список архивных и литературных источников — одно из достоинств издания, недостатком же является отсутствие точных ссылок на документы. В отношении наших соотечественников книга, известным образом, дополняет биографо-библиографическую серию «Московские орнитологи», но с точки зрения иностранца.

Одно из открытий — публикация архивных материалов, неожиданно осветившая трехлетний отрезок жизни выдающегося орнитолога Николая Алексеевича Гладкова (1905-1975). На фронт Второй мировой войны Гладков ушел уже сложившимся ученым, автором 41 публикации, многие из которых посвящены исследованию полета птиц. Попав в окружение во время наступления войск Вермахта под Вязьмой в ноябре 1941 г., он мог бы разделить участь 650 000 советских солдат взятых в плен, но Гладков в совершенстве владел немецким языком, что позволило ему войти в «добровольные силы немецкого Вермахта» (*Hilfswilliger der deutschen Wehrmacht*, сокращенно «Hiwi») и служить переводчиком. В этом статусе он оставался почти до конца войны. То обстоятельство, что кроме своей собственной, Гладков спасал жизни своих соотечественников, отвечая за снабжение военнопленных продовольствием, лишь косвенное оправдание нарушения присяги. Преобладающим импульсом была страсть к изучению птиц. Профессионализм орнитолога не остался незамеченным. Ему позволили написать письмо Штреземанну в Берлин с предложением использовать Гладкова как «иностранную рабочую силу» для научных целей в Зоологическом музее университета Берлина, где вследствие мобилизации возник недостаток во вспомогательном научном персонале. Гладков мог бы выполнять специальные задания в орнитологическом отделе. Просьба не была удовлетворена, но оттиски новейших работ по авифауне, полученные Гладковым от Штреземанна, сулили надежды на возвращение в науку. Гладков смог пересылать деньги с Восточного фронта в Берлин на приобретение орнитологической литературы, подписался на «*Journal für Ornithologies*», стал членом Немецкого орнитологического общества, провел отпуск на орнитологической станции в Росситтене),⁸ где экскурсировал и кольцевал птиц во время весенних перелетов. Перелом хода войны вынудил Гладкова

⁸ Росситтен, или Рыбачий, — первый в мире научный центр для изучения миграций птиц, основанный в 1901 г. Немецким орнитологическим обществом. Ныне Биологическая станция Зоологического института РАН. Расположен на юго-восточном побережье Балтийского моря, природный национальный парк «Куршская коса».

изменить тактику, но перед возвращением на родину он послал ящик сигарет изголодавшемуся курильщику Штреземанну (тогда ему приходилось набивать трубку смесью лекарственных трав). 7 ноября 1944 г. Гладков возвратился в Советский Союз и снова стал солдатом Красной Армии в строительном батальоне, дислоцированном в Таллине. СМЕРШ допрашивал Гладкова за две недели до окончания войны и не выявил ничего предосудительного, его анкета была «чиста». Поработав ночным сторожем два года и защитив докторскую диссертацию о биологических основах полета птиц, в 1947 г. он вернулся в Зоологический музей Московского университета, где его дальнейшая научная деятельность протекала необычайно интенсивно. В 1952 г. за шеститомное издание «Птицы Советского Союза» авторский коллектив под руководством Г.П. Дементьева и Н.А. Гладкова получил Сталинскую премию. Гладков стал профессором Московского университета. В начале 1950-х гг. вступил в партию, вел активную общественную деятельность в области охраны природы. Тогда же восстановилась и переписка между Штреземанном и Гладковым. В Берлинском архиве хранятся их письма за 1955–1972 г. В них нет ни единого упоминания о военном времени (с. 173).

Военнопленным был и Конрад Лоренц (1903–1989) — крупнейший этолог, лауреат Нобелевской премии. Он отбывал срок в советских лагерях в Армении и Красногорске под Москвой, в относительно мягких условиях до 1947 г. В деле Лоренца есть также два экземпляра (копии, сделанные под копирку) напечатанной по-немецки на пишущей машинке рукописи его большой книги, которую ему при освобождении в 1948 г. разрешили взять с собой. Книга называется «Введение в сравнительное исследование поведения» («Einfuehrung in die vergleichende Verhaltensforschung»). Лоренц подробно написал об истории возникновения «русской рукописи» и о том, как ему удалось получить согласие взять ее с собой в Австрию (см., например, Lorenz, 2003, s. 82–85).⁹ Свою «антифашистскую» работу в лагере он описывает в 1973 г. так: «Я имел [там] возможность наблюдать очевидные параллели между психологическим воздействием национал-социалистского и марксистского воспитания. Именно тогда я начал понимать сущность [воздействия] доктрины как таковой» (с. 236). После возвращения на родину в Австрию Лоренц сразу же продолжил свою научную работу и публицистическую деятельность. В 1951 г. общество Макса Планка предоставило ему институт в Германии. Интенсивная исследовательская работа, десятки аспирантов и учеников полностью заполняли каждый день его послевоенной жизни. Он писал новые книги, которые всегда поставляли материал для размышлений и интеллектуальных споров. Нобелевская премия и уход на пенсию в 1973 г. не отменили его научной и публицистической деятельности, он много занимался общественной деятельностью. Его работы переводились на разные языки, он путешествовал за границу. Правда, в Советский Союз он ехать не хотел: академик В.Е. Соколов рассказывал автору, что в 1977 г., после того как вышли переводы книг Лоренца на русский язык, он пригласил ученого в СССР, где эти книги были очень популярны. Визит их автора стал бы настоящей сенсацией. Но Лоренц отказался, он улыбнулся и задумчиво ответил: «Мне уже приходилось бывать в Вашей стране...» (с. 236).

Приведенные примеры, лишь выборочно отражающие содержание книги, рисуют условия, в которых работали, выживали или гибли люди в XX в. Нельзя осуждать кого-либо... не знаю, как сам бы вел себя, оказавшись на их месте. Наше время возложило на нас ответственность не допустить повторения рецидива эпидемий тоталитаризма,

⁹ Соколов В.Е., Баскин Л.М. Конрад Лоренц в советском плену // Природа. 1992. № 7 (923). С. 125–128.

в планетарном масштабе уничтожавших цивилизации. Изоляционизм и невежество все чаще напоминают о себе в XXI в. Необходимо помнить, во что они обходятся человечеству... Опыт разрушения Берлинской стены и подлинного восстановления наследия прошлого можно определить простой фразой: «Brücken bauen — versöhnung leben» (Строить мосты — жить в согласии) — выстраданное правило, которое можно было прочесть совсем недавно на строительных лесах Фрауенкирхе, одной из архитектурных жемчужин Дрездена, разрушенной во время бомбардировок в годы Второй мировой войны и поднятой из руин доброй волей людей, сохраняющих культуру. Этой цели и служит книга Еугениуша Новака.

Литература

Stresemann E. Ornithology from Aristotle to the present. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1975. 432 p.

Эволюция в действии

Я.М. Галл

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Санкт-Петербург, Россия; yasha@jg7549.spb.edu

В XX в. эволюционная биология оформилась как самостоятельная наука. Во всех престижных международных изданиях она выделяется в отдельную рубрику, так же как генетика, биология развития, палеонтология, молекулярная биология. Достаточно посмотреть оглавление Трудов Национальной академии наук США. Экспериментальная эволюция является составной частью эволюционной биологии, и еще в 20–30-е годы прошлого столетия наметился быстрый рост экспериментальных исследований в связи с развитием генетики популяций, экологии популяций и сообществ. В СССР и в США сложились наиболее сильные научные школы в области экспериментального изучения эволюции, и их достижения все время обогащаются новейшими подходами, расширением тематических задач.

Под экспериментальной эволюцией обычно понимают проверку гипотез и теорий эволю-

